

Baldina, Jelena Viktorovna

**Книга Н.В. Гоголя "Выбранные места из переписки с друзьями" в
оценке современников: отзывы частного характера**

In: *N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase : (studie o živém dědictví)*.
Dohnal, Josef (editor); Pospíšil, Ivo (editor). V Tribunu EU vyd. 1. Brno:
Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010, pp.
13-21

ISBN 9788073991975

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132708>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University
provides access to digitized documents strictly for personal use, unless
otherwise specified.

КНИГА Н. В. ГОГОЛЯ «ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ» В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОКОВ: ОТЗЫВЫ ЧАСТНОГО ХАРАКТЕРА

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА БАЛДИНА (МОСКВА)

В статье рассматриваются основные тенденции полемики вокруг книги Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» на страницах частных писем, мемуаров, дневников и художественных произведений современников писателя.

Ключевые слова: полемика, читатели-современники, журнальная критика, эпистолярные и мемуарные источники, реминисценции.

L'article est consacré à la discussion autour du livre de N. V. Gogol „Extraits choisis de la correspondance aux amis” dans les correspondance privée, mémoires, journaux et oeuvres littéraires des contemporains de l'écrivain.

Les mots-clés: la discussion, les lecteurs contemporains, la critique littéraire, la correspondance privée, les mémoires, les réminiscences.

В полемике о книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» наряду с журнальной критикой не менее важными являются отзывы частного характера, зафиксированные в письмах, воспоминаниях, дневниках, маргиналиях, а также в виде реминисценций в художественных произведениях. На значимость подобного рода откликов указывал сам Гоголь, получивший около пятидесяти писем, многие из которых были признаны им «гораздо значительнее всех печатных критик»¹.

Необходимо иметь в виду, что часть корреспондентов Гоголя – А. О. Смирнова, Виельгорские, А. А. Иванов, В. А. Жуковский, С. П. Ше-

¹ ГОГОЛЬ, Н. В.: Полное собрание сочинений в 14 томах. Без места издания 1952, т. 13, с. 373.

вырев, граф А. П. Толстой – либо были непосредственными адресатами писем-глав «Выбранных мест...», либо упоминались в тексте книги, и потому их восприятие было определенным образом подготовлено предшествующей перепиской с писателем. Отклики этой немногочисленной группы читателей и одновременно «персонажей» произведения нередко носили сугубо личный характер. Таково, например, июньское письмо 1848 года А. А. Иванова к Ф. В. Чижову по поводу книги Гоголя: «Жаль, однако, что он там написал обо мне и Иордане: эти места неверны»².

В силу художественной специфики «Выбранных мест...» в центре внимания едва ли всех читателей оказались идейно-нравственные воззрения автора. О книге как о явлении литературном и о ее новизне с точки зрения художественной формы говорилось мало; однако при этом нередко на первый план, как и в журнальной критике, выносилась личность писателя, а также делалась попытка соотнести «Переписку» с предшествующим гоголевским творчеством и с литературной традицией.

Обозначенная тенденция имела место прежде всего в литературной среде: большая часть писателей и критиков не приняла книгу. Одним из крайних проявлений неприятия, безусловно, можно считать зальцбруннское письмо В. Г. Белинского к Гоголю от 15 июля (н. ст.) 1847 года. С Белинским были солидарны В. П. Боткин, А. И. Герцен, И. С. Тургенев, поэт-декабрист Г. С. Батеньков и др.

В большей части откликов читателей-литераторов говорилось о невозможности гармоничного соединения религиозно-дидактического начала с художественным. В частности, С. Т. Аксаков полагал, что книга, несмотря на то, что «в ней блещет местами прежний могучий талант», «распространяет ложь <...> умствований и заблуждений»³. Мысль о разрыве между спонтанным характером творчества и субъективным пониманием писательского долга в «Переписке» высказана в февральском письме 1847 года Ю. Ф. Самарина к К. С. Аксакову: «Это публичное покаяние, это завещание и пр. – все это не из души льётся, а выполняется по какой-то обязанности»⁴.

В отдельных отзывах, принадлежащих лицам из литературного окружения Гоголя, «Переписка с друзьями» рассматривалась как убедительная возможность выражения религиозно-нравственных устремлений новыми по-

² ВИНОГРАДОВ, И. А.: Александр Андреевич Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Москва 2001, с. 496.

³ Переписка Н. В. Гоголя: в 2-х томах, Москва 1982. т. 2, с. 80-81.

⁴ Сочинения Ю. Ф.: Самарина. т. 12, Письма 1840-1853, Москва 1911. с. 190

этическими средствами. П. А. Плетнев, один из немногих всецело подержавших автора, назвал книгу «началом собственно русской литературы»⁵.

В откликах читателей, не имевших непосредственного отношения к литературе, «Переписка» нередко сопоставлялась с предшествующими гоголевскими сочинениями. Таково январское письмо 1847 года А. О. Смирновой Гоголю: «...Все то, что вы писали доселе, ваши «Мертвые души» даже – все побледнело как-то в моих глазах при прочтении вашего последнего тома»⁶. В более ригористичном тоне высказался Ф. Ф. Вигель: «Сочинитель этих писем <...> высоко стоит над автором «Ревизора» и «Мертвых душ» <...> Святость и геройство христианина и патриота <...> превыше таланта...»⁷ Однако далеко не всеми последняя книга Гоголя рассматривалась как новое, перспективное начало в писательской биографии. Матвей Волков в «Отрывках из заграничных писем» (1844-1848) усмотрел в «Переписке» закономерное явление времени: «почти все писатели – художники не довольствуются ныне служением одному изящному», «все думают о пользе».

Среди откликнувшихся на книгу мемуаристов и корреспондентов не все видели в ней «потерю» автора для русской литературы. К числу «поклонников таланта Гоголя, которые и после издания его «Переписки с друзьями» не усомнились в могучей силе его дарования», относил себя князь Д. А. Оболенский⁸, а также Л. О. Арнольди, возглавлявший многие надежды на второй том «Мертвых душ», в котором писатель «еще глубже заглянет в душу человеческую и выразит все в истинно художественной форме»⁹.

Не менее важным, чем идейно-нравственные воззрения автора, предметом дискуссий в частных отзывах было художественное воплощение писательского замысла, поиск Гоголем новых поэтических форм, что обсуждалось прежде всего в литературной среде. В первую очередь была сделана попытка выявления жанровой специфики книги, что сказалось в оценке других сторон ее поэтики. Так, П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту утверждал, что «не надобно так критиковать нравственно-религиозную и вместе литературную книгу», ибо это «не догматическое сочинение», а «отрывки из вседневных размышлений»¹⁰. Та же мысль присутствует и в статье

⁵ Переписка Н. В. Гоголя. т. 1, с. 271.

⁶ Русская Старина. 1890, № 8, с. 284-285.

⁷ ВИГЕЛЬ, Ф. Ф.: Записки: в 2-х т. Москва 1928, т. 1, с. 24-25.

⁸ Гоголь в воспоминаниях современников. Без места издания 1952, с. 546.

⁹ АРНОЛЬДИ, Л. И.: Мое знакомство с Гоголем. Русский Вестник. 1862, т. 37, № 1-2, с. 57.

¹⁰ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым: в 3-х томах, 1896, т. 3, с. 5.

В. А. Жуковского 1848 года «О молитве», написанной в форме письма к Гоголю: «Характер писем есть свобода, как в ходе мыслей, так и в их выражении <...> здесь сама небрежность имеет прелесть; она есть даже достоинство»¹¹. В отдельных откликах, напротив, отрицалась возможность какой-либо литературно-критической оценки книги – об этом писал Гоголю князь В. В. Львов: «Состояние души вашей, высказанное в письмах, не делает из этих писем достояние критики литературной...»¹². Подход к проблеме жанра «Переписки» в историко-литературной перспективе обнаруживается в письме к Гоголю одного из малоизвестных корреспондентов, в ту пору студента Московского университета, Дмитрия Малиновского: «К чему, к какому роду отнести ваши письма? Мне кажется, этот род еще не сформировался, а он есть, он может быть <...> Мне думается, что ваша книга – дверь в новую область»¹³.

В частных отзывах, как и в печатных критиках, книга Гоголя была воспринята не как целостное сочинение с единой сюжетно-композиционной структурой, а как сочетание разнородных элементов, расположенных в произвольном порядке. Нельзя не учитывать и то, что авторы частных отзывов, как и авторы печатных статей, за немногими исключениями, познакомились с текстом, искаженным цензурной правкой, что способствовало известной «фрагментарности» прочтения. Как удачную «только частями» расценивали «Переписку» М. П. Погодин, А. А. Иванов, В. С. Аксакова, как лишь местами неудачную – граф В. А. Соллогуб, графиня А. М. Виельгорская, Н. Н. Шереметева. К числу наименее удавшихся фрагментов книги были единодушно отнесены «Завещание» и «Предисловие», причем не только как этически небесспорные, но и как неубедительные в литературном отношении.

Наибольшее недоумение вызвал избранный Гоголем заведомо нехудожественный способ мышления. Так, например, Ю. Ф. Самарин писал К. С. Аксакову: «Вся книга должна была вылиться в другой форме. Читая некоторые письма, например, «Женщина в свете», чувствуешь, как постепенно возникает в его (Гоголя. – *Е. Б.*) представлении живое лицо, образ; он видит его и мог бы показать его другим <...> И образ помещика явился бы вовсе не в том виде, в каком представляется теперь, если бы он отлился в форме художественной, а не аналитической». Близка самаринской точка

¹¹ Сочинения В. А. Жуковского: в 6-ти томах. СПб. 1878, т. 6, с. 80.

¹² ШЕНРОК, В. И.: Материалы для биографии Гоголя. т. 4, с. 527-528.

¹³ НИОР РГБ, Ф.74 (Н. В. Гоголь), № 8. Единая хрестоматия, № 36, л. 7-8.

зрения М. П. Погодина, писавшего Гоголю по поводу главы «Женщина в свете»: «Что ты пишешь о Красавице – письмо годится в альманах, в арабески, и только, приятный комплимент...» Попытка осмыслить природу подобного рода несоответствий присутствует в образном обобщении П. А. Кулиша: «Книга произвела <...> такое впечатление, какое испытывает человек, когда его ведут в огромную фабрику, где отливаются из чугуна или бронзы колоссальные создания скульптуры <...> Кажется, что искусство ваятеля выступило из своих пределов...»¹⁴.

Дискуссионный вопрос о языке и стиле «Переписки» нередко рассматривался частью корреспондентов и мемуаристов в тесной связи с идейными воззрениями автора. Так, например, негативная оценка книги в целом проецируется на ее язык и стиль в зальцбрунском письме В. Г. Белинского к Гоголю, в письме С. Т. Аксакова к сыну Ивану. В письме П. Я. Чаадаева к князю П. А. Вяземскому от 29 апреля 1847 года, напротив, разграничиваются идея и форма ее выражения: «...При некоторых страницах слабых, а иных и даже грешных, в книге его (Гоголя. – Е. Б.) находятся страницы красоты изумительной, полные правды беспредельной...»¹⁵. Наиболее точным представляется замечание П. А. Плетнева в письме к Жуковскому: «...Есть в книге этой недосмотры касательно неясности и чистоты языка, но они, как принадлежность слога Гоголя, неисправимы. Не думаю, чтобы когда-нибудь дошел он до той исправности в выражениях, которая отличает школу Карамзина от новейших писателей»¹⁶.

В ряде отзывов характер восприятия «Переписки» в немалой степени определило авторское предисловие к первой части «Мертвых душ». То же можно сказать и о «Развязке Ревизора» (1846), известной, в отличие от второго издания поэмы, лишь достаточно узкому кругу лиц, поскольку пьеса не получила цензурного разрешения для постановки на сцене и не была напечатана при жизни автора. В письме Ю. Ф. Самарина к А. О. Смирновой (1846) сама попытка создания подобных текстов-автокомментариев рассматривалась как заведомо обреченная на неудачу: «Искусство его (Гоголя. – Е. Б.) орудие; отрекаясь от него, он отрекается от самого себя. Вместо того, чтобы передавать дух учения, он учит <...> форме». Последняя книга Го-

¹⁴ КУЛИШ, П. А.: Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: в 2-х томах, Москва 2003, т. 2, с. 427-428.

¹⁵ ЧААДАЕВ, П. Я.: Избранные сочинения и письма. Москва 1991, с. 460.

¹⁶ Русский Архив. 1870, № 7, с. 1293.

голя также осознавалась современниками как текст-автокомментарий независимо от характера отзывов о ней. Так, например, А. В. Станкевич писал Н. М. Щепкину о главе, посвященной «Мертвым душам»: «... Гоголь говорит, что в нем такое сцепление мерзостей, какого он не встречал ни в ком. Эти мерзости, говорит он, отделил он только от себя в лицах, им воспроизведенных. Я думаю, что он тут просто врет на самого себя»¹⁷. Л. И. Арнольди, наоборот, замечал: «Читая эти прекрасные откровенные письма, я видел все сомнения, тревожившие поэта <...> Содержание «Мертвых душ» стало мне понятно»¹⁸.

В частных отзывах нередко обсуждались печатные критики, а также мнения отдельных лиц. Чаще других обсуждались статьи-письма Павлова и статья князя П. А. Вяземского «Языков – Гоголь». Известны несколько отзывов на статью Ф. В. Булгарина. С. Т. Аксаков назвал ее «ужаснейшим ругательством на Гоголя». Иным настроением отличалась дневниковая запись Ф. В. Чижова от 1 марта 1847 года: «...Читал я «Северную Пчелу», там Булгарин разбирает Гоголя, поругивает его, и мне как будто бы не то что приятно, этого я не скажу, а немного отдохновительно, именно как будто высота Гоголя давила меня...»¹⁹. Не осталась незамеченной и статья В. Г. Белинского в «Современнике» – о ней, в частности, упоминала А. О. Смирнова: «критика Белинского самая пустая». Ссылки на зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю по понятным причинам редки и встречаются лишь в мемуарных источниках (например, в воспоминаниях П. В. Анненкова, а также в дневнике В. С. Аксаковой 1855 года). Заметный интерес к журнальной полемике нашел отражение в письмах Ю. Ф. Самарина, а также в переписке Я. К. Грота с П. А. Плетневым, которую можно было бы назвать сжатым обзором журнальных публикаций «Выбранных местах...».

В отзывах частного характера также был поставлен вопрос о новых писательских ориентирах, заданных «Перепиской». Прежде всего имелась в виду дальнейшая творческая эволюция Гоголя, которая многим представлялась весьма сомнительной, например А. В. Станкевичу: «Вряд ли после такой книжицы дождемся чего-нибудь путного от Гоголя...». Однако были и другие мнения. Так, В. А. Муханов писал: «Замечательно, что именно когда думают наши литераторы, что Гоголь потерян для словесности, он

¹⁷ Литературное наследство. Москва 1952. т. 58, с. 700.

¹⁸ АРНОЛЬДИ Л. И.: Мое знакомство с Гоголем. Русский Вестник. 1862, т. 37, № 1-2, с. 58.

¹⁹ ЧИЖОВ, Ф. В.: Дневник за 1847 г. (январь-1 апреля). НИОР РГБ, Ф. 332. К. 2. Единая хрестоматия 3, Л. 22 об.

вознесся на такую высоту, с которой, если пустит в свет какое сочинение, то оно будет несравненно лучше всего доселе им написанного»²⁰.

Ближайшей творческой перспективой после издания «Выбранных мест...» была работа над вторым томом «Мертвых душ», что так или иначе осознавалось и авторами частных отзывов. Некоторым сама возможность возвращения Гоголя к продолжению поэмы представлялась маловероятной – прежде всего по причине грандиозности художественного замысла, не соотносимого с законами искусства. Об этом писал С. Т. Аксаков: «Второму тому я не верю: или его не будет, или будет дрянь. Добродетельные люди – не предметы для искусства. Это задача неисполнимая». То же утверждал в письме к Гоголю Г. С. Батеньков: «Оставаясь просто поэтом, ты нам уже ничего не скажешь. Надобно перестановить мысль и возвысить пошлость уже во вторую степень»²¹.

Таким образом, невзирая на очевидные авторские «расшифровки» как в тексте первой части «Мертвых душ», так и в сопроводительных текстах-автокомментариях к поэме, «Выбранные места...» воспринимались преимущественно как инородный элемент в гоголевском творчестве, а не как источник новых тем и образов. Эта тенденция имела место даже в сочувственных откликах о первых главах второго тома, услышанных в авторском чтении. Так, П. В. Анненков в одном из писем к И. С. Тургеневу²² в трактовке образа Тентетникова не принял во внимание то, что этот психологический тип был намечен Гоголем уже в «Переписке». Среди немногих, для кого творческая удача начала второго тома «Мертвых душ» связывалась с «Выбранными местами...», были А. О. Смирнова и ее брат Л. И. Арнольди.

Особой формой оценки гоголевской книги являются отклики в художественной форме. Это прежде всего три стихотворения И. С. Аксакова. В первом из них («Свой строгий суд остановив...», 1847) есть очевидные реминисценции из заключительной главы «Выбранных мест...» «Светлое Воскресение», тогда как в двух других («Зачем душа твоя смирна?», 1847; «Не дай душе твоей забыть...», 1848) в большей мере заметны обращения к сквозным темам и мотивам книги – труда, духовного подвига, страдания, святости. Отзвуки событий 1847 года присутствуют и в стихотворениях Н. Берга «Над гробом Гоголя» (1852) и князя П. А. Вяземского «Поминок

²⁰ МИЛОСЛАВСКИЙ, Н., священник: К биографии Н. В. Гоголя (О знакомстве его с братьями Мухановыми). Москва 1902, с. 14.

²¹ Литературное наследство. т. 60, Книга 1, Москва 1956, с. 685.

²² Литературный архив. СПб. 1994, с. 196-197.

(Гоголь)» (1853). С учетом общей тенденции неприятия «Переписки» закономерно появление на нее литературных пародий. Пародийный характер носит, как считал Ю. Г. Оксман, рассказ И. С. Тургенева «Два помещика»²³, однако связь тургеневского рассказа с текстом «Выбранных мест...», на наш взгляд, едва уловима, и потому мысль исследователя не вполне убедительна. Наиболее развернутой пародией как на темы и стиль, так и на автора «Переписки» является образ Фомы Опискина в повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», на что указал еще Ю. Н. Тынянов в статье «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)». Пародия на отдельные стилевые элементы «Переписки» имеет место и в романе «Бесы». Отклики в художественной форме в целом соответствовали высказываниям авторов о гоголевской книге, зафиксированным в эпистолярных и мемуарных источниках.

Только в частных отзывах – а именно в одном из писем П. А. Плетнева к Гоголю – была предпринята попытка соотнести жанровую специфику «Переписки» с европейской литературной традицией: «В шведской литературе была подобная книга: один автор (Профессор Упсальского университета Тёрнрос. – *Прим. Я. К. Грота.*) во всю жизнь не издал ни одного сочинения <...> По смерти его друзья собрали его письма и напечатали – это вышло одно из лучших явлений в шведской литературе»²⁴.

Плетнев также первым высказал мысль о том, что «Выбранные места...» призваны «возвестить истину» о русской литературе «за пределами России». Хотя массовому европейскому читателю книга стала доступна в переводе лишь в 1890-е годы, отдельные сведения о ней имели место гораздо ранее. Особо ценными в этом отношении представляются воспоминания Г. Рора, анонимно опубликованные в Париже в 1852 году под заглавием „Un missionnaire republicain en Russie“ («Республиканский миссионер в России»). Рассматривая книгу более как «факт психологический, нежели литературный», мемуарист тем не менее отмечал, что она имеет важное историко-литературное значение как «сочинение поэта», в котором можно найти множество «превосходных страниц» «по глубине и выразительности»²⁵.

Таким образом, читательские отклики частного характера обнаруживают, с одной стороны, много общего с журнальной критикой, с другой сто-

²³ ОКСМАН, Ю. Г.: И. С.Тургенев. Исследования и материалы. Выпуск 1, Одесса 1921. с. 6.

²⁴ Русский Вестник. 1890, № 11, с. 48.

²⁵ Un missionnaire republicain en Russie. 3 vol. Paris, 1852. Vol. 2. P. 83, 110-111, 114.

КНИГА Н. В. ГОГОЛЯ «ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»
В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ: ОТЗЫВЫ ЧАСТНОГО ХАРАКТЕРА

роны, нередко отличаются от печатных отзывов большей глубиной постижения замысла гоголевской книги. В свою очередь Гоголь в немалой степени использовал именно материал частных писем в «Авторской исповеди».

